

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

◆ В Новосибирске приехал Андре Мальро. Состоится встреча бывшего французского писателя с писателями и журналистами Новосибирска.

◆ МК ВЛКСМ, Мособлпно и Московский областной Дом художественного воспитания детей открывают в сентябре выставку летних изображений пленников и школников. На выставке будут собраны рисунки, фотографии, лепка и др.

◆ Закончены работы Всероссийские десятидневные курсы конференции руководителей библиотечной работы краевых и областных отделов народного образования. На курсах-конференциях выступила т. Н. К. Крупская, остановившаяся на вопросах массовой работы библиотек и улучшения обслуживания читателей.

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 99 (415)

6 АВГУСТА 1934 ГОДА

ЮД РЕДАКЦИИ: В. БАГРИЦКОГО, А. ВОЛОНТИМОВА, М. КОЛЬПОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, М. СУБОПКОГО, М. СЕРЕБРИЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. УСИЧЕВЧА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Литературная газета

ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

ЗЕРНОГРАД

ЛITERATURNO-KLADRICHESKII SBORNIK

1934

всесоюзного съезда советских писателей.

«Зерноград».

В поселке Зерновой Азовско-Черноморского края пятым призом им. Максима Горького при газете «Трактор» Учебно-опытного зерносовхоза № 2 в ознаменование первого полевого выпуска литературный. На снимке — обложка сборника

всесоюзного съезда советских писателей.

от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка (М. Горький)

ПРИВЕТ ПИСАТЕЛЯМ ЛЕНИНГРАДА

Послезавтра открывается ленинградская областная конференция советских писателей.

Писатели города Ленина вписали много славных страниц в историю советской литературы. Крупнейшие художники слова, имеющие не только всесоюзную, но и мировую известность, живут и работают в Ленинграде, черпают творческую активность в борьбе и трудовом энтузиазме ленинградского пролетариата. Победы социализма в стране, в борьбе за которые город Ленина, его большевики и пролетариат всегда были впереди шагов, явились замечательной жизненной школой для ленинградской писательской интеллигентии; в этой школе терпели крах мелобуржуазные иллюзии, отbrasывались интеллигентские сомнения, преодолевались «петербургские» навыки и чужие литературные влияния. Этими процессами в большой степени содействовал тот факт, что в литературу шли новые кадры, воспитанные ленинградским пролетариатом. Победы социализма в стране, в борьбе за которые город Ленина, его большевики и пролетариат всегда были впереди шагов, явились замечательной жизненной школой для ленинградской писательской интеллигентии; в этой школе терпели крах мелобуржуазные иллюзии, отbrasывались интеллигентские сомнения, преодолевались «петербургские» навыки и чужие литературные влияния. Этими процессами в большой степени содействовал тот факт, что в литературу шли новые кадры, воспитанные ленинградским пролетариатом. И сегодня на свою конференцию ленинградские писатели в абсолютном большинстве приходят как активные участники строительства социализма, неразрывно связанные с делом рабочего класса, полны любви и доверия к великой ленинской партии и ее вождю, лучшим другу и руководителю художников слова — т. СТАЛИНУ.

Ленинградская партийная организация во главе с т. НИКОЛАЕВЫМ постоянно руководит работой ленинградских писателей. Они, писатели, окружены любят и вниманием, для них созданы все необходимые условия для успешной творческой работы, условия, которых требовали постановление ЦИК ВНР(6) от 23 апреля 1932 г. Давно остались позади те времена, когда писательские силы были разбросаны, когда их разделяла групповишина и кружковишина, когда коммунистический пролетариат оторвался от остальной писательской массы стечь искусственных перегородок. Сейчас ленинградская писательская организация, насчитывающая в своих рядах до 300 человек, крупнейшая организация Союза, представляет собой сплоченный, единый отряд работников социалистической литературы. Конечно, и сейчас еще возможны рецидивы групповишины, и кое-кто не прочь ее возродить, но сколько полно платформ и состава своей группировки! Точно так же писательскому ленинградскому отряду и в дальнейшем престоят борьба с классовыми предрассудками в литературе, с попытками пропаганды в книге чуждую идеологии, — близость и этические попытки не всегда, в частности в Ленинграде, была достаточно ясна. Но творческие успехи ленинградских писателей, их мысли и предложения обогащают работу всесоюзного съезда советских писателей, исторического съезда работников социалистической литературы — гарантия того, что окончатся крахом всякие попытки групповиши-

ны и будет разоблачена любая мимика классового врага.

Писатели Ленинграда за два года, прошедшие со дня решения партии о перестройке литературно-художественных организаций, дали ряд новых крупных произведений, являющихся ценным вкладом в советскую литературу. «Петр Первый» А. Толстого, «Похищение Европы» Е. Федина, «Клятва в тумане» и грузинские переводы Н. Тихонова, «Возвращенная молодость» и «Голубая книга» М. Зощенко, «Капитальный ремонт» Л. Соловьева, «Ворона» и «Аюбинский залив» О. Форша, «Триполье» Б. Корнилова, «Бедный Генрих» и «Наши знакомые» Ю. Гормана, «Невская повесть» Д. Лаврухина, роман в Пушкине Ю. Тынянова, стихи Прониной и Саянова, «Исполнение желания» В. Каверина, произведения Кинчхаха, «Малый мир» С. Мартина, работы К. Чуковского, С. Маршака, М. Ильиной, «Повесть о Левине» М. Слонимского, «Девять точек» М. Козакова, «Привилегия идеи» Н. Брыкина, «Тяжелый дивизион» А. Лебеденко, «Гуашные люди» А. Чапыгина, «Морина» А. Черненко, вещи Ю. Либединского, С. Чумакидзе, А. Гитовича, Б. Житкова, Н. Никитина и многих других — вот далеко не полный список библиотеки новых книг ленинградских писателей.

Особо следует отметить творчески-общественную активность ленинградских товарищей. Они всегда являются зачинщиками новых дел, их творческая мысль работает активно и плодотворно, им чужды успокоенность, они продолжают творческие поиски. Ни случайно, что на всесоюзном съезде по основным вопросам выступают творческие ленинградцы: А. Толстой, Н. Тихонов и С. Мартина. Не случайно Ленинград является ведущим на фронте ленинской литературы, исторического романа и т. д. Положительный опыт ленинградского писательского издательства, общественно-производственной работы писателей является ВСЕСОЮЗНЫМ опытом. К сожалению, эта активность писателей не подкреплена достаточно организационной работой: работа ленинградского Оргкомитета не всегда удовлетворяет все растущие требования писательской общественности.

Ленинградская конференция собирается наянанье всесоюзного съезда. В программе ее работ находятся основные вопросы советской литературы, которые будут обсуждаться на съезде. Естественно, что значение конференции, представляющей крупнейший писательский отряд Союза, выходит далеко за территориальные рамки Ленинграда. К работе конференции писателей Ленинграда будет приковано внимание литературной общественности всего Союза. Мы не сомневаемся, что голос ленинградских писателей, их мысли и предложения обогащают работу всесоюзного съезда советских писателей, исторического съезда работников социалистической литературы — гарантия того, что окончатся крахом всякие попытки группови-

МОСКВА ВЫБИРАЕТ ДЕЛЕГАТОВ

На общемосковском собрании писателей

4 августа в Малом зале Консерватории состоялось общегородское собрание писателей, созванное Оргкомитетом ССР для проведения выборов делегатов на всесоюзный съезд писателей. Давно писательские собрания не отличались такой многогодичностью.

С сообщением о ходе подготовки к съезду выступил т. П. Юдин.

Вообщество и «Похищения Европы» Федина, а в Ленинграде производственное музейное общество. Большой сдвиг, несомненно, обозначится и в практическом осуществлении обмена творческим опытом народа нашего великого Союза.

Тов. Юдин вкратце информирует о мероприятиях, осуществленных в порядке подготовки к съезду, и излагает

После сообщения т. Юдина состоялись выборы делегатов на всесоюзный съезд. С правом решающего голоса избраны писатели:

Горский А. М., Асеев Н., Афиногенов А., Альтман И., Безыменский А., Бедный Демьян, Белоцерковский В., Бахметьев В., Бергельсон Д., Бабель И., Березовский Ф., Болотников

Фото С. Шингарева

На общемосковском собрании писателей в Малом зале Консерватории.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

— Такое явление, — заявляет т. Юдин, — немыслимо ни в одной капиталистической стране. Только в стране пролетарской культуры возможно такое явление.

Вторая часть сообщения т. Юдина была посвящена информации о результатах приема в Союз писателей. До начала приема в Москве начались около 1500 членов союза писателей. Всего было поено свыше 1000 заявлений. Принято: в качестве членов союза — 500 чел., в качестве членов кандидатов — 200, 250 чел. из числа принятых имеют 15-летний и более высокий литературный стаж, три четверти членов союза — 19-летний стаж. Тов. Юдин отмечает, что члены, принятые, быть может, и не являются квалифицированными мастерами, но это честные литературные труженики, для которых литературный труд является труром единственным, определяющим содержание их жизни. Поэтому не принимать их в члены союза не было никакого основания, как не было основания не принять и группы старых писателей, давно уже, правда, не пишущих, но в своем время много для литературы сделавших и завоевавших уважение общественности.

Партийный состав членов союза: 146 членов партии в кандидатах, 52 комсомольцев, 350 беспартийных. Из жанров на первом месте — проза, беллетристов — 219, поэтов — 74, драматургов — 51, очеристов — 13, критиков — 60, переводчиков — 20, детских писателей — 13.

Подводя итоги прошедших всесоюзных республиканских и областных съездов писателей, т. Юдин отмечает, что это честные литературные труженики, для которых литературный труд является труром единственным, определяющим содержание их жизни. Поэтому не принимать их в члены союза не было никакого основания, как не было основания не принять и группы старых писателей, давно уже, правда, не пишущих, но в своем время много для литературы сделавших и завоевавших уважение общественности.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

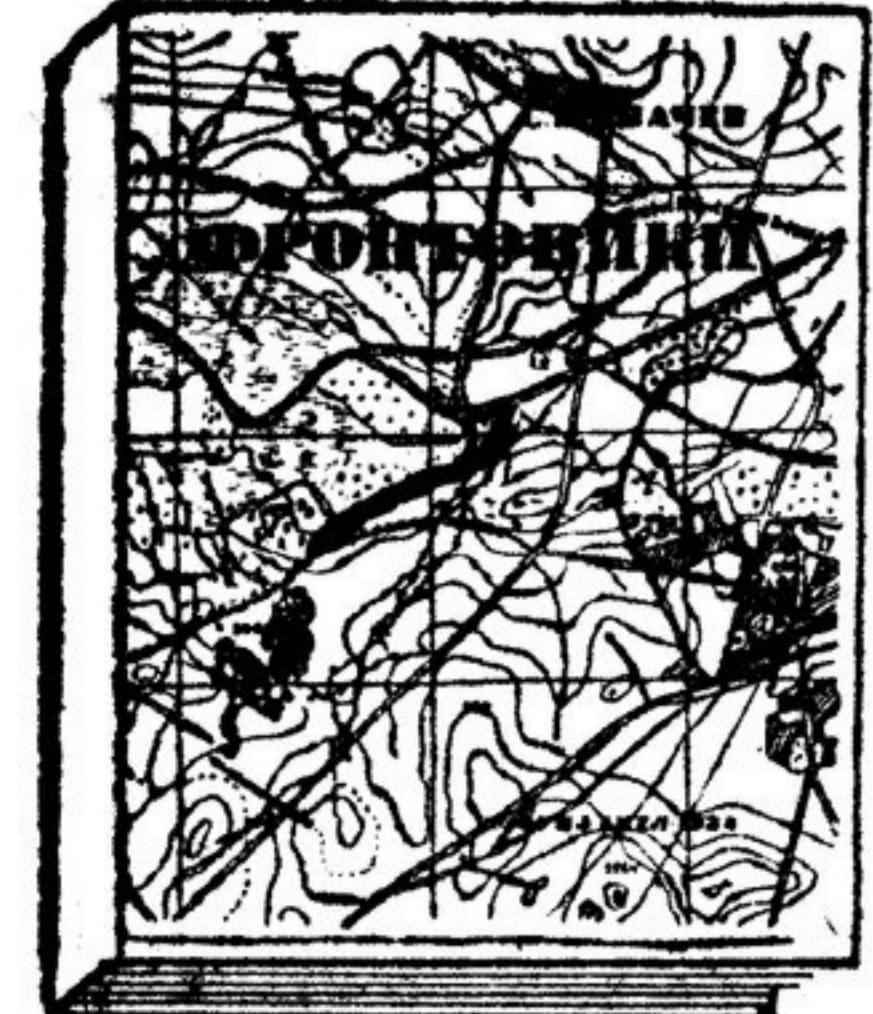
На съезде будет в общей сложности свыше 1000 писателей — 550 делегатов, около 500 с гостевыми билетами, иначе говоря литературная общественность Союза будет представлена полно всесторонне.

Степан Щипачев

«ФРОНТОВИКИ»

Очень трудно написать сюжетную историю, которая, сохранив лирическое напряжение, не распадалась бы на отдельные куски. Степану Щипачеву это удалось.

У каждого из его «Фронтовиков» есть свой голос, свой характер, своя судьба. Одной паренек Левка Сутягин неизвестен на сумрачном мальчишеском

тра Шалля, ни на других своих товарищах (Евгения Кузягина). Превращение серой солдатской массы в солдат революции раскрыто в последовательном ряде эпизодов без вожжика и ускорения событий.

Онообразные булы пленилного ма́льзара, солдатские пушки в лазарете, раненых, читавший «Севастопольские рассказы», атака красногвардейцев на колхозские лединые окна и, наконец, заключительный эпизод, когда начальник караула мальзар Шалль кажется племянника на гранату, чтобы своей смертью спасти жизни десяти мальчишек товарищам, — все эти хорошо найденные эпизоды образуют единый сюжет.

Поэтому эпилог (митинг по поводу возникновения советской власти в Боннире) приобретает большую эмоциональную убедительность слова красноречий Ершова:

Товарищи, Ежли —

— Вонгрио!

путь посыают нас!

Здесь идея международной солидарности дана как органический вырост из всего развития сюжета, а не как идеологическая сентенция, которую часто механически подсказывают в конец венца.

Поэтический метод Щипачева еще не вполне оформился. У автора «Фронтовиков» есть умение найти образы с ярким чувственным тоном, но в то же время в его ритмике и синтаксисе слишком часто отражаются чужие поэтические голоса (наиболее явственный пример — ритм ассевского «Черного призыва» в главе «Пост №»). Это многофункциональность и сборность эпизодов может и должна быть преодолена работой над расширением ритмической базы (без чрезвычайно широких размеров).

Неудачно также применение фонетических идиоматизмов в рече Левки Сутягина. Такие написания, как «сэлла», «офицэр» ничего не дают, а только отвлекают внимание читателя от смыслового содержания речи.

В. В.

ГИХ, II — I, 1933 г.

Николай Шкляр
«СТРАНА МОЛОДЕЖИ»

Очерки Шкляра довольно обычны по своему подходу к теме. Автор «подъезжает к заводу», в данном случае к Зоопарку: «попадает в цех» в кружок юных биологов и затем «беседует с директором», т. е. через разговоры с руководителем кружка вовлекается в цикл интересов этого в высшей степени деятельного содружества молодых ученых и юных исследователей.

Беседы с этим руководителем весьма плодотворны, после них, как говорят в книге один герой, «бузостом становятся выше». Глаз становится вроде телескопа», они, что называется, хорошо «вмонтированы» в очерк, не литературно построить его и собрать в один узел все сообщаемое не в состоянии. И в этом смысле центральная или очерковая «Повесть о зоопарке» история с разведением собыча в неволе не связана ни с историей об орангутантах, ни с историей тигров. Связь между ними чисто приразовая.

Сама «Повесть о зоопарке» в извественном стечении является дружеским, но полемическим ответом М. Пишикова, который, сообщив, что книга в мире собыча в неволе не разноможася, разделся: «И вдруг в Зоопарке удастся получить приход от собои-ней».

Повесть Шкляра утверждает обратное: нет, не вдруг. И вообще это была не случайная удача, а результатом.

Шкляр утверждает обратное: нет, не вдруг. И вообще это была не случайная удача, а результатом.

Критика единодушно пишет, что книга его проникнута «любовью к нашей стране, смешанной с глубокой критикой наших правов».

Шкляр любит французский народ за ту настойчивость, с которой этот народ отстаивает свою право на избранность, (этот, что живет еще из старшего баптизма определение об «умении французов жить») за то, что парижский «клопар» (босик) с тем же «наслаждением и достоинством курит полобанный окурок, как бывший курит свою гаванку».

Франция представляется Шкляру «запущенным клубком генеральных проектов, бабушкиных суетверий, поззи, неспешностей и здравого человеческого разума»...

Глубокое понимание Шкляром Франции диктует ему те заструженные реалии страны, которые он (после буржуазной французской литературы, тем романом, «которые могут быть перерваны на любой странице, в которых не понятно, почему именно они кончатся на той странице, на которой написано слово — конец»)

«Писатели, — говорит Шкляр, — должны говорить. Следовательно, они говорят. Если им нечего рассказывать, это не их вина».

При чтении книги Шкляра перед глазами встает Париж, не деланный, выдуманный Париж писателя, а настоящий, живой Париж, потому что им

была адресована юношество.

П. Н.

МТИ, 1934, тир. 8200, стр. 146,

и. 2 р. 50 к.

— «Все имена правды боялись

и рассказы о сущих и несущих,

Ведя рассказ от самого себя.

Отец мой был из рода Бадриевых, он собирали налоги. Я, иначе, не могло торговал муки и хлебом

И от великой честности моей известен стал народу и эмиру. Эмиру меня назначили миражуром, чтобы охранять ворота Бухары, Но я сказал: «Мы, горы, и были привыкли

сидеть в долинах. Пощади, владыка, И отпусти в Локай». Он согласился, Пожаловал мне чин и две хаты, Потом обнял и допустил к руке.

Все я, воинственный в силе и почеце, Не забыл людей и был

гостеприимен. Я много думал о больших делах, Давал советы, обяснял законы: Народ мой был наважен и глуп.

И вот, когда могущественный Фрунзе

ударил громом в камни Регистана, Я проводил бежащего эмира До отдаленных гор. Я был слугой И, как слуга, исполнил долг слуги, Но не покинул темного народа И возвратился в Дангару. Туда

пришли отряды красных во главе с викингом Даныром-Эфанди. Локай шумел, Рваком судил богатых в Балхджане, И от Дарваза шли Мурза Чорлы, Ишан Султан и многое сильных

духом Бойцов за веру. Ибрагим стремился в долину Вахша. Главары Джадидов

Меня арестовали. Я бежал И от тоски и горя взял винтовку, Севал людей и начал воевать. Шесть месяцев мы дрались. Ночь

и день за днем.

Я был осенен великим светом — светом понимания И заболел и лег в Найз-Булаки. Перед лицом всевышнего. Но смерти Мне не дал Бог. Он сохранил меня для гордых дней, для бедности, для славы,

Которая легла дерьмом овечим На поплыту племен и государства.

А Ибрагим мне пишет много писем, Сует победы в каждую строку. Он просыпал подать эмиру. Он сильный человек и дальше икона, Подняв лицо, не видит ничего.

В Кокташ я прискасал на помощь Ибрагиму И говорил, как мудрый, а вокруг Стояли люди праздничных халатов.

И это ночь была — ночь Аль-Кадра,

Когда на землю англы инсходят. Вдруг звон стремян и кони ржут. Господи

и мы в кимбите до утра на слами.

ЭРЕНБУРГ О ФРАНЦУЗАХ И ФРАНЦУЗЫ О ЭРЕНБУРГЕ

В издательстве «Nouvelle Revue Française» вышла на французском языке книга Ильи Эренбурга о Франции, французы и французской литературе.

Французы редко признают за иностранцами право критики, еще реже они считают иностранца достаточно парижанином, чтобы писать о таких ультрапартизанских предметах, как об унизии, попудре, сюрреализме, Полье Моране и прочих достопримечательностях того, что зовется Парижем.

В сущности французы мало интересуются тем, что о них пишут. Из громадной литературы о Франции, французской культуре, писателях, политике в сфере переводаются единицы, и те толку малоизвестными на книжных полках.

Если на книгу Эренбурга обращают внимание весь Париж (здесь весь не в том смысле, в котором его обычно употребляет в кавычках), то это не только потому, что Эренбург много живет в Париже и его имя пользуется на берегах Сены немалой популярностью.

Книга Эренбурга обратила на себя внимание именно потому, что она «не только книга литературной критики, всего капиталистического общества» («Ecoutez-Moi»). Тот же журнал должен признать, что «только советский писатель мог создать блестящую унитаристскую характеристику» многих французских писателей. Вот это именно то, что выдвигает автора «Дня второго» из среды тысяч разномысленных авторов, пишущих о Франции в французской литературе. Только советский писатель мог найти такой острый, продуманный, насыщенный личным под собой к сегодняшнему литературному Парижу. Мы все помним блестящий «Мой Париж», мы все читали «Легенду о Франции», если даже иногда считали некоторые его положения спорными (так, например, не все сошлись с его анализом сеголинского сюрреализма, данного им в свое время на страницах «Литературной газеты»), то мы всегда ценили его глубокое понимание Парижа, широту его кругозора, меткость оценки и характеристики.

Сегодня оценить талант Эренбурга, именно как советского автора, может и французский читатель и французский критик.

Критика единодушно пишет, что книга его проникнута «любовью к нашей стране, смешанной с глубокой критикой наших правов».

Эренбург любит французский народ за ту настойчивость, с которой этот народ отстаивает свою право на избранность, (этот, что живет еще из старшего баптизма определение об «умении французов жить») за то, что «наслаждением и достоинством курит полобанный окурок, как бывший курит свою гаванку».

Франция представляется Эренбургу «запущенным клубком генеральных проектов, бабушкиных суетверий, поззи, неспешностей и здравого человеческого разума»...

Глубокое понимание Эренбургом Франции диктует ему те заструженные реалии страны, которые он (после буржуазной французской литературы, тем романом, «которые могут быть перерваны на любой странице, в которых не понятно, почему именно они кончатся на той странице, на которой написано слово — конец»)

«Писатели, — говорит Эренбург, — должны говорить. Следовательно, они говорят. Если им нечего рассказывать, это не их вина».

При чтении книги Эренбурга перед глазами встает Париж, не деланный, выдуманный Париж писателя, а настоящий, живой Париж, потому что им

пропитана вся книга. Это Париж модных романтиков и литературных свобод, Париж литературных кафе и Париж почты под мостами клапшаров.

Перед нами проходит вся литературная Франция, вернее, вообще вся Франция — потому что у него сняли телефон за неуплату абонемента. После католиков, после писателей, после педесистов, после буржуазии, удачливых в «хорошем» буржуазии, после гастрономических конкурсов, на которых подают котлеты из мяса доисторических животных, после колониальной политики, после черных рабушек и бурбонских лизий эти люди решают на несколько недель зааться революционе.

Эренбург любит Париж, и эта любовь рождается у него в любви к стране, в которой он пишет. В этой книге сочетается любовь к Франции с ненавистью к «этой» Франции, обование Парижа с презрением к «этому» Парижу.

Если Эренбург пишет отдельных писателей, то тем самым он пишет недавно, что в числе многих выдающихся лиц американской литературы, особенно пра- вильных, пишутся под стать с мясом доисторических животных, после колониальной политики, после черных рабушек и бурбонских лизий эти люди решают на несколько недель зааться революционе.

Эренбург любит Париж, и эта любовь рождается у него в любви к стране, в которой он пишет.

Если Эренбург пишет отдельных писателей, то тем самым он пишет недавно, что в числе многих выдающихся лиц американской литературы, особенно пра- вильных, пишутся под стать с мясом доисторических животных, после колониальной политики, после черных рабушек и бурбонских лизий эти люди решают на несколько недель зааться революционе.

Книга Эренбурга обратила на себя внимание именно потому, что она «не только книга литературной критики, всего капиталистического общества» («Ecoutez-Moi»). Тот же журнал должен признать, что «только советский писатель мог создать блестящую унитаристскую характеристику» многих французских писателей. Вот это именно то, что выдвигает автора «Дня второго» из среды тысяч разномысленных авторов, пишущих о Франции в французской литературе. Только советский писатель мог найти такой острый, продуманный, насыщенный личным под собой курит полобанный окурок, как бывший курит свою гаванку».

Франция представляется Эренбургу «запущенным клубком генеральных проектов, бабушкиных суетверий, поззи, неспешностей и здравого человеческого разума»...

Глубокое понимание Эренбургом Франции диктует ему те заструженные реалии страны, которые он (после буржуазной французской литературы, тем романом, «которые могут быть перерваны на любой странице, в которых не понятно, почему именно они кончатся на той странице, на которой написано слово — конец»)

«Писатели, — говорит Эренбург, — должны говорить. Следовательно, они говорят. Если им нечего рассказывать, это не их вина».

При чтении книги Эренбурга перед глазами встает Париж, не деланный, выдуманный Париж писателя, а настоящий, живой Париж, потому что им

еще не обанкротившегося банкира, другого — потому что литературная премия была присуждена его конкуренту, третий — потому что у него сняли телефон за неуплату абонемента. После католиков, после писателей, после педесистов, после буржуазии, удачливых в «хорошем» буржуазии, после гастрономических конкурсов, на которых подают котлеты из мяса доисторических животных, после колониальной политики, после черных рабушек и бурбонских лизий эти люди решают на несколько недель зааться революционе.

Перед нами проходит вся литературная Франция, вернее, вообще вся Франция — потому что у него сняли телефон за неуплату абонемента. После католиков, после писателей, после педесистов, после буржуазии, удачливых в «хорошем» буржуазии, после гастрономических конкурсов, на которых подают котлеты из мяса доисторических животных, после колониальной политики, после черных рабушек и бурбонских лизий эти люди решают на несколько недель зааться революционе.

Эренбург любит Париж, и эта любовь рождается у него в любви к стране, в которой он пишет.

Если Эренбург пишет отдельных писателей, то тем самым он пишет недавно, что в числе многих выдающихся лиц американской литературы, особенно пра- вильных, пишутся под стать с мясом доисторических животных, после колониальной политики, после черных рабушек и бурбонских лизий эти люди решают на несколько недель зааться революционе.

Эренбург любит Париж, и эта любовь рождается у него в любви к стране, в которой он пишет.

Если Эренбург пишет отдельных писателей, то тем самым он пишет недавно, что в числе многих выдающихся лиц американской литературы, особенно пра- вильных, пишут

